

НАДЕЖДА ВОСКРЕСЕНІЯ.

НАДЕЖДА ВОСКРЕСЕНИЯ.

Сестры ушли къ завтрашней, веселья и нарядных, а Ирина осталась дома.

— Мнѣ будетъ лучше освѣтлѣть одной, — говорила она, — помолюсь, подумаю о Костѣ, отдохну и встрѣчу вась а вы мнѣ скажете: Христосъ воскресъ.

— Хорошо, только ты не очень плачь, — сказала старшая, веселая Екатерина.

Она была замужемъ за врачомъ, который своимъ военнымъ долгомъ въ одномъ изъ дѣльскихъ лазаретовъ у нея было двое дѣтей, и жизнь казалась ей очень въ общемъ хорошею.

Когда уходили, младшая сестра, Евалалія, удумавъ минутку остаться наединѣ съ Ириною, и, быстро зацѣпывая ее въ дверяхъ гостиной, идѣ не горѣло изъ одной лампочки, шепнула ей:

— Пошла въ Иринупку.

У Евалаліи женихъ, какъ и у Ирины, тоже ушелъ на войну. Ирининъ женихъ убитъ на рѣкѣ Ваурѣ, а Евалалиинъ женихъ раненъ и взятъ въ плѣнъ въ восточной Пруссии. Евалалія понимала, что слезы — хорошо. И, когда она сама плакала, ей легко становилось.

Ирина прошла по квартирѣ. Съ улицы доносились веселые голоса. Въ столовой уже накрытъ былъ праздничный столъ. Пахло мирно и домашне. Гиацинты смѣшивали свой тонкій ядъ съ темными дыханьями ванили, миндаля, шафрана и кардамона. И этотъ смѣшанный ядъ благоуханій былъ для Ирины зовомъ смертной тоски.

Прошла въ кухню—и тамъ пусто. Всѣ ушли.—Ирина одна, оловѣмъ одна.

Вернулась къ себѣ. Надо надѣть бѣлое праздничное платье, снять на одинъ этотъ день свой черный трауръ.

Вотъ оно лежитъ, все бѣлое, перекинутое на спинкѣ голубого кресла. И передъ нимъ на полу пара бѣлыхъ туфель и на кровати бѣлые шелковые чулки.

«Помолюсь немного».

Опустилась на коѣнши передъ образомъ, ясно сияющимъ огоньками лампы на бѣлой серебряной ризѣ Богородицы Милующей. Донесся издалека гулъ выстрѣла—половина двѣнадцатаго вѣка. Уличный шумъ здѣсь былъ неслышенъ,—Ирина въ комнату во дворъ.

Ирина склонилась передъ образомъ, забылась молитвою, какъ легкимъ сномъ. Сгорѣло время, и весь міръ свился и передъ нею стоялъ онъ, ея милшій, ея Николай, убитый. Лицо его печально и строго, и онъ спрашиваетъ:

— Ирина, любишь ли ты меня?

— Люблю—говоритъ Ирина.

— Ты меня никогда не забудешь,—говоритъ онъ.

Очнулась Ирина. Никого. Мерцаше лампы, голубой занавѣсъ окна, синя стѣны. Одна. И слезы льются, льются. И знаетъ Ирина, что ея Николай всегда съ нею, на всю жизнь и въ этомъ горе, и въ этомъ радости.

И опять какъ легкимъ сномъ, забылась молитвою. И опять Николай стоялъ передъ нею. И казалось Ирину, что множество съ нимъ предстоитъ ей воиновъ.

И опять спросил Николай:

— Ирина, любишь ли ты меня?

И опять отвѣтила Ирина:

— Люблю.

Николай говорил ей:

— Если ты хочешь, чтобы любовь наша была безсмертна, люби тѣхъ, кто со мною. Слушай меня, Ирина, — люби народъ мой и твой и всегда будь съ народомъ во всѣхъ судьбахъ его и на всѣхъ путяхъ его.

Вскинулась Ирина, точно окрыленная великимъ порывомъ. Разбилась молитва, разсѣялся сонъ — опять никого, опять одна въ синихъ стѣнахъ передъ яснымъ лампаднымъ мерцаньемъ.

Слезы льются, льются, и дрожатъ ноги, на полу холодѣя, и сердце бьется тяжело и тоскливо.

Народъ мой, народъ мой возлюбленный, темна судьба твоя и затраждены пути твои и замузакенъ взоръ твой, — но буду, буду съ тобою на всѣхъ путяхъ твоихъ, народъ мой, тяжело страдающій.

И третій разъ склонилась и третій разъ погружилась въ молитву, какъ въ утѣшительномъ. Передъ лампадой и въ свѣтъ ширился и слышала она ликующее званіе. И опять стала передъ нею милый ей ей Николай. Лицо его было свѣтло и радостно, глаза его сияли, какъ неурашимыя лампы, и голосъ его звучалъ торжественнымъ воскресеніемъ, когда онъ въ третій разъ спросилъ Ирину:

— Ирина, любишь ли ты меня?

— Люблю — радостно отвѣтила Ирина.

Говорилъ Николай:

— Люби меня, люби народъ мой, вѣрь и не бойся и надѣйся на воскресеніе наше. Кровью нашею, тропиткою въ изобилии и пылающею жарю, озарили мы судьбы народа нашего, и пути его станутъ правы, и тьма совѣтсѣ ис-

чезая передъ взоромъ его. Слушай меня, слушай, Ирина,—въ надеждѣ воскресенія будь съ народомъ моимъ и воскреснеть, и воскреснемъ.

И кѣтъ никого, и опять одна Ирина и радость безмѣрная съ нею.

Бѣлыя, праздничныя одежды взяла бережно, любуйся ими, слушая дальнѣйшій звонъ благовѣста. Бѣлыя одежды надѣла на себя радостно и благоговѣйно, и такое торжество было въ душѣ, точно радостные ангелы помогли ей облачаться одеждамъ знаменующими надежду воскресенія.

Радостная вышла изъ своей комнаты, вездѣ заглянула опши ждала сестеръ. Вотъ и онѣ.

— Христосъ воскресъ!

— Воистину воскресъ.

Обнимаетъ, цѣлуетъ, смѣется.

— Не плакала?—спрашиваетъ Екатерина.

— Поплакала, милая?—шепчетъ Еввалія.

— Онъ приходилъ ко мнѣ трижды—говоритъ Ирина,—милый мой говорилъ со мною трижды и принесъ мнѣ надежду воскресенія. Знаю, воскреснемъ всѣ мы, и возстанетъ народъ мой. Сестры не смотрите на меня, какъ на безумную,—я рада, я счастлива.

— Счастливая Ирина! — шепчетъ Еввалія обнимая ее.

Екатерина пожимаетъ плечами и говоритъ насмѣшливо и ласково:

— Если плакать, такъ, ради Бога, не долго. И пойдемте поскорѣе въ столовую,—я немножко проголодалась.